

Г.Ш. Назарова¹ , З.С. Имярова^{2*}

¹Университет Индиана, США, г. Блумингтон

²Университет Нархоз, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: zulfiya.imyarova@narhoz.kz

РЕПАТРИАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СССР И ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИИ УЙГУРОВ ИЗ КНР В 1950-Е ГОДЫ

Данная статья посвящена одной из самых малоизученных тем исследования – особенностям миграции уйгурского этноса из Китая в Казахстан в 1950-е годы, связанной с репатриационной политикой СССР. Цель исследования – выявить и охарактеризовать основные выталкивающие факторы (push factors), побудившие массовый исход уйгуров из страны. Особое внимание было обращено на необходимость сочетания в данной работе разных методов исследования: устных рассказов различных историй, полученных методом интервьюирования, работы над архивными материалами о миграции, анализа материалов периодических изданий и использования биографического метода в исторических исследованиях. В результате исследования были выявлены несколько причин, включающих в себя целенаправленную идеологию и пропаганду со стороны СССР в Синьцзяне, способствовавшие возникновению миграционных настроений среди его коренного населения, сложная и противоречивая политико-экономическая ситуация внутри Китая и раскол в советско-китайских отношениях. Вклад данной работы объясняется её научной и практической значимостью. Результаты настоящего исследования могут быть использованы аналитиками при дальнейшей разработке причинно-следственных связей миграционных процессов, а также могут быть полезны и при составлении рабочих программ и подготовке лекций по современной истории Казахстана.

Ключевые слова: репатриационная политика СССР, устная история, советско-китайские отношения в 1950-е годы, идеология и пропаганда, миграция уйгуров.

G.Sh. Nazarova¹, Z.S. Imyarova^{2*}

¹Indiana University, USA, Bloomington

²University of Narxoz, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: zulfiya.imyarova@narhoz.kz

The repatriation policy of the USSR and the peculiarities of Uighurs' migration from the PRC in the 1950 s

This article is devoted to one of the most understudied research topics, the peculiarities of the migration of the Uighur ethnic group from China to Kazakhstan in the 1950s, related to the repatriation policy of the USSR. The purpose of the study is to identify and characterize the main push factors that prompted the mass exodus of Uighurs from the country. Special attention was paid to the combination of different research methods in this work: oral histories obtained by interviewing, work on archival materials about migration, analysis of materials from periodicals and the use of the biographical method in historical research. As a result of the study, several reasons were identified, including the purposeful ideology and propaganda on the part of the USSR in Xinjiang, which contributed to the emergence of migration sentiments among its indigenous population, the complex and contradictory political and economic situation in China and the split in Soviet-Chinese relations. The contribution of this work is explained by its scientific and practical significance. The results of this study can be used by analysts in the further development of cause-and-effect relationships of migration processes, and can also be useful in developing educational programs and preparing lectures on the modern history of Kazakhstan.

Key words: repatriation policy of the USSR, oral history, Soviet-Chinese relations in the 1950s, ideology and propaganda, migration of Uighurs.

Г.Ш. Назарова¹, З.С. Имярова^{2*}

¹Индиана университеті, АҚШ, Блумингтон қ.

²Нархоз университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: zulfiya.imyarova@narхоз.kz

КСРО-ның репатриациялық саясаты және ұйғырлардың 1950 жылдардағы ҚХР-дан қоныс аудару ерекшеліктері

Бұл мақала 1950 жылдары ұйғыр этносының Қытайдан Қазақстанға қоныс аударуының КСРО-ның репатриациялық саясатымен байланысты ерекшеліктерін зерттеудің ең аз зерттелген тақырыптарының біріне арналған. Зерттеу мақсаты – ұйғырлардың елден жаппай көшуіне себеп болған негізгі итермелеуші факторларды (push factors) анықтау және сипаттау. Бұл жұмыста зерттеудің әртүрлі әдістерін біріктіру қажеттілігіне ерекше назар аударылды: сұхбат әдісімен алынған ауызша әңгімелер, көші-қон туралы мұрағаттық материалдармен жұмыс, мерзімді басылымдардың материалдарын талдау және тарихи зерттеулерде өмірбаяндық әдісті қолдану. Зерттеу нәтижесінде КСРО-ның Шыңжаңдағы мақсатты идеологиясы мен насихатын қамтитын бірнеше себептер анықталды, бұл оның байырғы тұрғындары арасында көші-қон көңіл-күйінің пайда болуына, Қытайдағы күрделі және қарама-қайшы саяси-экономикалық жағдайға және кеңестік-қытайлық қатынастардағы бөліністерге ықпал етті. Бұл жұмыстың үлесі оның ғылыми және практикалық маңыздылығымен түсіндіріледі. Осы зерттеудің нәтижелерін талдаушылар көші-қон процестерінің себеп-салдарлық байланыстарын одан әрі әзірлеу кезінде пайдалана алады, сондай-ақ жұмыс бағдарламаларын жасау және Қазақстанның қазіргі заманғы тарихы бойынша дәріс дайындау кезінде де пайдалы болуы мүмкін.

Түйін сөздер: КСРО-ның репатриациялық саясаты, ауызша тарих, 1950 жылдардағы кеңестік-қытайлық қатынастар, идеология және насихат, ұйғырлардың көші-қоны.

Введение

Обоснование выбора темы

Научная актуальность данного междисциплинарного исследования обусловлена тем, что в современной казахстанской и зарубежной исторической литературе проблема миграции китайских мусульман в СССР и вопросы советско-китайских отношений в 1950-1970-х годах мало изучены и представляют большой интерес для исследователей со всего мира, прежде всего, с точки зрения методолого-теоретических подходов. В настоящее время историками лишь рассмотрены отдельные аспекты этих вопросов. Поэтому актуальной остаётся проблема анализа репатриационной политики СССР и развития взаимоотношений двух стран от дружбы к конфронтации, повлиявших на миграционные потоки этнических меньшинств в этот период.

Научная методология исследования

Методология исследования обусловлена концепцией «устной истории», являющейся центральной в изучении миграции 1950-1970-х гг. из Китая в Казахстан. Этот концептуальный подход открыл новое направление в историописании, связанное с фиксацией и анализом устных рассказов участников тех или иных событий.

Концепция устной истории тесно связана с другими методологическими направлениями в современной историографии «написания истории «снизу» и «новой социальной истории». Они направлены на преодоление эссенциализации истории, т.е. создание обобщенных односторонних представлений об историческом прошлом и соответствующих нарративов. Принцип «написания истории «снизу» предполагает взгляд, противоположный тому, что создается «сверху» государственными структурами и связанными с ними институтами, которые фиксируют, описывают и интерпретируют ситуацию с позиции государства (Камалов А., 2021).

Материалы собраны на основе полевых этнографических исследований в местах компактного проживания уйгуров в РК и РУ, архивных данных и бесед с бывшими мигрантами и их семьями. Устные истории мигрантов из Китая позволяют уточнить, дополнить и даже пересмотреть информацию традиционных источников (архивные и др.), взглянув на причины, ход и последствия миграции, геополитический фон переселения глазами самих мигрантов, и внести уточнения в существующие в историографиях нарративы. В своей работе авторы в основном полагались на интервью как особый метод исследования в устной истории при изучении этнической истории.

Обзор литературы

В конце 1950-х годов идеологические разногласия привели к ухудшению отношений между КНР и СССР. Постепенно к критике советского руководства за отступление от коммунистических идеалов примешались и территориальные претензии со стороны Китая, которые до сих пор не разрешены. Однако, эти вопросы вызывают большой научный интерес среди исследователей. Так, Кулик Б. (2000), Даньхуэй Л. (2005) и Воробьев В. (2012) в своих работах анализируют, как трансформировались отношения двух государств на протяжении двух десятилетий и как происходило сближение США и КНР. Работа Лянг Цзай и Вайт посвящена анализу стратегии китайского руководства в конце 50-х – начале 60-х годов, направленной на активное переселение ханьцев в Синьцзян и другие приграничные провинции с целью укрепления своих границ в случае нападения СССР (Liang Z. & White M., 1996; Pannell C., 2011). Впоследствии ханьских переселенцев трудоустроили на Синьцзянский производственно-строительный корпус (ХРСС) военного назначения, так называемый Bingtuan, под прямым контролем официального Пекина (Vecquelin N., 2000). Политика китайского руководства в отношении этнических меньшинств стала темой исследования многих авторов. По мнению Макеррас, предоставление этническим меньшинствам права формировать автономию в компактных местах проживания – показатель гибкости центрального правительства (Mackerras C., 2001). Однако, последующие успешные экономические реформы, вызванные массовым переселением ханьцев, в значительной степени урезали преференции для меньшинств (Sautman, 2002) и «увеличили разрыв между северным и южным Синьцзяном» (Liang Z. & White M., 1996; Zang X., 2002). Согласно исследованиям Ху (2003), с 1957 по 1967 год правительство переселило около двух миллионов мигрантов-ханьцев, которые как правило не контактировали с местными уйгурами (Hu Ts., 2003). Многие западные исследователи по Синьцзяну солидарны в том, что уйгуры находятся в экономически неблагоприятном положении по сравнению с ханьцами, особенно в плане доходов (Mackerras C., 2001; Vecquelin N., 2004; Bovingdon G., 2004; Toops S., 2004).

Другие исследователи Gladney D. (1998), Millward J. (2004) считают, что, китайское руководство неправомерно использует ассимилятивные методы в своей этнической политике Синь-

цзяна в решении «уйгурского вопроса» начиная с 1950-х годов.

Ещё одним важным исследованием, на наш взгляд, можно назвать труд Робертса (1998), посвященный анализу трем группам уйгуров, образовавшимся во время различных миграционных волн из Китая в Казахстан.

Первая группа: «Ерликляр (yerliklar), «местные жители» – те уйгуры, которые родились в Казахстане и чьи семьи жили в нем по крайней мере с 1900 года» (Roberts S., 1998).

Вторая группа: «Кельгянляр (kelganlar), «прибывшие» – те уйгуры, чьи родители или они сами прибыли в Казахстан в 1950-е и 1960-е годы».

Третья группа: «Хитай ликляр (khitailiklar), «из Китая» – те уйгуры, которые прибывают в Казахстан из Китая, чтобы работать или торговать на временном основании» (Roberts S., 1998). Он отмечает, что уйгуры различных волн по-разному интерпретируют понятия «суверенное национальное государство» и «аутентичность» уйгурской культуры, тем самым «проявляя спорный характер уйгурской национальной идентичности». Также, по его мнению, «уйгуры, не имеющие своей исторической родины, не могут называться диаспорой, а являются приграничным народом» (Roberts S., 1998).

Среди казахстанских исследователей особого внимания заслуживает работа Аблажей Н. (2015) «Казахский миграционный маятник Казахстан-Синьцзян: эмиграция – репатриация – интеграция» (фонд библиотеки Индианского университета). В данной монографии автором рассмотрены основные механизмы миграционных процессов 1930 – 1960-х гг. Исследователем тщательно проанализированы геополитические, социально-экономические причины бегства казахов, уйгуров и дунган из Казахстана в Синьцзян (Илийский район) от репрессий в период коллективизации и в последующем их возвращение на свою историческую Родину из-за преследований китайских властей. Она отмечает, что у многих этих граждан на руках имелись советские паспорта. Наличие в книге огромного количества архивных материалов раскрывает не только масштабы этих переселений/перемещений/миграции, но также проливает свет и на российскую/советскую миграционную политику. Большой интерес также представляет работа Кожировой С. (2014) по китайской историографии, которая рассматривает историю народов Синьцзяна в рамках общей китайской истории как «куаго миньцзу» – трансгосударственные

(разделенные) народы либо «куацзин миньцзу» – трансграничные народы (народы, проживающие по обе стороны границы).

В рамках изучения литературных материалов расшифрован текст на арабской графике из автобиографического романа уйгурского писателя Ахмет Игемберди «Хаят Мензиллири», в котором он описывает настроения людей в Синьцзяне в 1950-е годы (Egemberdi A., 2019). Текст также содержит информацию о влиянии советской пропаганды на массовый отток местного населения Синьцзяна в Советский Союз.

Результаты и обсуждение

Согласно современным данным, демографические потери Советского Союза в Великой Отечественной войне составили 25-27 млн человек (Maksudov E., 1994., Devlet N., 2013, Engel B., & Martin J., 2015). Эти потери негативно сказались на послевоенном восстановлении страны, которая остро нуждалась в рабочей силе. Высшее руководство страны нашло довольно простое решение: вернуть бывших подданных, которые уехали в Китай в царское время и в период после установления советской власти. Через полгода после окончания войны, 10 ноября 1945 года вышел указ Президиума Верховного Совета о восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской Империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Маньчжурии. Далее последовал другой указ от 20 января 1946 года о распространении вышеупомянутого указа от 10 ноября 1945 года на лиц, утративших советское гражданство, проживающих в провинции Синьцзян и в городах Шанхае и Тяньцзине (Ведомость Верховного Совета, 1946). При этом отмечалось, что речь идёт только о русском населении, которое бежало в пределы Китая после Октябрьской революции в 1917-м году, а также позже, в 1930-е годы во избежание раскулачивания при коллективизации и жестоких политических репрессий. Как отмечает Аблажей Н. (2015), одна из составных частей послевоенной политики СССР состояла в советизации славян, находящихся на территории Китая, позже советские паспорта стали получать и представители других этнических групп. Некоторые респонденты подтверждают эти слова и дополняют картину событий того периода. Из слов очевидца: «Сначала они агитировали к переезду русских, потом стали агитировать всех граждан, включая казахов, узбеков, уйгуров, которые приехали в Синьцзян из

Союза». Позже, и остальное местное население стало настраиваться на переезд, так как нам обещали золотые горы в СССР.

Многие респонденты подтвердили тот факт, что в 1950-е годы советские работники МИДа в регионе проводили огромную агитационную работу, направленную на создание положительного образа СССР, который описывался раем на земле. Некоторые цитаты из интервью: «Нам сказали, что в Советском Союзе все дороги блестят подобны зеркалам, в которых вы можете видеть свое отражение...» «Реки там текут не с водой, а с медом». «Там не надо работать. Вы не стираете вручную, за вас всё делают машины. Вся работа выполняется машинами, вы просто смотрите и контролируете. Вы едете на работу на машине». «В каждом доме есть телевизор, не надо ходить в клубы, чтобы посмотреть фильм». В подтверждении своих слов они организовывали культурно-массовые мероприятия, где каждый вечер в клубах демонстрировали советские фильмы. Респонденты упоминали такие названия как «Чапаев», «Руслан и Людмила», «Два бойца», «Небесный тихоход», «Тихий Дон» и многие другие. Из воспоминаний жительницы Ташкента Пучинай ХХХ: «Помню, был клуб, где собиралась вся молодежь. Они все постоянно говорили и хвалили Советский Союз. Все спрашивали друг у друга: «Вы переезжаете в Советский Союз? Нет? Почему?» А мы переезжаем. Мы слышали, что жизнь там – рай». Советское консульство в Кульдже раздавало советские паспорта сначала своим бывшим гражданам, а потом всем желающим. (цитата из интервью: «Сначала давали один паспорт на человека, потом сказали, что можно добавить в паспорт имена всех членов семьи. Позже сказали, что в один паспорт можно вписать имена всех родственников, которые хотят переехать в Союз». «Мой отец был советским русскоязычным инженером, который проектировал мосты в КНР поэтому меня отдали в советскую школу имени Сталина в Кульдже. Наши учителя были из Советского Союза, и мы учились на русском языке. В 1955 году нам объявили о начале освоение целины, поначалу только для советских граждан, но потом любой желающий мог зарегистрироваться, и мы переехали в СССР в июне 1955 года. Нам говорили, что мы едем на всё готовое: нам дадут дома, работу и наши дети будут учиться в университетах Москвы и Ленинграда, поэтому мы ничего не продали, а оставили все имущество китайцам, а в реальности нас никто не ждал. В послевоенные годы советским людям жилось очень тяжело, в основном всю работу выполняли жен-

щины так как мужчин было мало. Изредка нам встречались инвалиды в колясках или безрукие и безногие солдаты, вернувшиеся с фронта» (Интервью, 2016).

Проведённые полевые исследования и обзор литературы показали, что не только идеология СССР и хорошо слаженная агитационная работа советских партработников и дипломатических миссий побудили народ бросить свои засиженные места и начать массовое переселение, но были ещё другие более весомые причины, повлиявшие на массовый исход людей по ту сторону границы в эти турбулентные 50-е, 60-е и 70-е годы прошлого столетия. Следует отметить, что народы двух регионов Центральной Азии и Восточного Туркестана, включая уйгуров, периодически пересекали советско-китайскую границу ещё задолго до этого периода по мере изменения погодных (имеются ввиду семьи скотоводов, перегонявших скот туда-обратно в поисках благодатных пастбищ), экономических, и политических условий. Благодаря этому уйгурский народ имеет долгую историю по обе стороны границы. Большинство респондентов отмечали, что их родители покинули Советский Союз в 30-е годы, бежали от коллективизации, раскулачивания и репрессий. Цитата из интервью: «В 30-е годы отец перевёз семью в Кульджу, потому что многие уйгуры не были согласны делить свое имущество. Моего отца назвали кулаком, потому что у него был клочок земли» (Интервью, 2018).

Другой причиной можно назвать особые отношения между Москвой и Пекином в начале 50-х годов, которые изначально рассматривались как великая дружба китайского и советского народов. В этот период в КНР проходило массовое движение, восхваляющее двусторонние отношения и газеты пестрели громкими заголовками: «Навеки вместе», «Наши сердца бьются вместе», «История ещё не знала такого единства!» «Учиться у старшего брата» и т.д. Советский Союз, безусловно, воспринимался Китаем как старший и могучий брат, который во всём помогает младшему, а тот, в свою очередь, подчинялся ему. Такие отношения обусловлены трансформацией геополитического статуса и роли СССР. Возникновение СССР как великой державы после Второй мировой войны установило новый геополитический порядок на всём азиатском континенте как часть системы властных отношений Холодной войны, в котором США и СССР боролись за влияние в третьих странах мира. Китай являлся потенциально самым мощным резервом коммунизма и советское

руководство не жалело ресурсов, чтобы укрепить свою позицию в этой стране.

Советский Союз оказывал огромную материальную (Сунь Фо, 1944, Капица М., 1954), военно-техническую (Рябченко Н., 2009) и социально-экономическую помощь Китаю в борьбе против Японии и Гоминдана, тем самым во многом определял внешнюю и внутреннюю политику КНР. Следует отметить, что основную помощь СССР оказывал Китаю в китайско-японской войне через Синьцзян, где советское руководство интенсивно развивало торгово-экономические отношения с провинцией, создало нефтеперерабатывающий комбинат, авиасборочный завод и военно-промышленный комплекс, «которые позволили за короткий срок превратить Синьцзян в главную тыловую базу Китая» (Шматов В., 2016). Начиная с 30 – 40-х гг. СССР активно вмешивался во все внутривнутриполитические дела Синьцзяна с целью доминирования в регионе (Clabb O. 1962, West, H. 1964). Вспыхнувшее восстание коренных народов в 1931 году создало угрозу политическому и экономическому влиянию СССР в регионе, которое было успешно подавлено старшим братом. Однако, в январе 1941 года руководство провинции обратилось к Сталину с просьбой принять Синьцзян в состав СССР в качестве семнадцатой союзной республики. В феврале того же года Москва отказала ему в просьбе. Некоторые цитаты из интервью: «Если бы не поддержка Советского Союза, Китай никогда бы не ввёл своей войска на нашу землю», «Сталин подарил нашу землю китайцам». Ахмет Игемберди писал: «Однажды вечером один из уйгурских активистов прокрался в советское консульство в Ыылдырыме (Кульдже) и спросил у консула Дубашина: «Неужели мы напрасно совершили революцию? Почему вы (Советское правительство) ничего не говорите Китаю?» (Egemberdi A., 2019). Дубашин с холодной ухмылкой ответил: «Синьцзян является неотъемлемой частью Китая. 14 февраля 1950 года в Москве был подписан Договор о советско-китайской дружбе. Наши страны – братья и никто не может разорвать эту дружбу. Социализм построен в результате классовой борьбы и кровопролития, и мы прошли через это. Если тебе здесь жить опасно, переезжай в Советский Союз, у тебя же есть советский паспорт». Владельцами советских паспортов были мигранты первой волны, которые воспользовались приглашением советского правительства вернуться в свои бывшие дома через границу (Clark W. & Kamalov A., 2004).

В рамках подписанного «китайско-советского соглашения об условиях работы советских специалистов в Китае» от 27 марта 1950 года СССР направил большую группу своих лучших специалистов, учёных и военных советников в КНР для восстановления и развития экономики и других сфер государственного управления, включая оборону и промышленность Китая (6). Надо отметить, что СССР начал отправлять своих экспертов в Китай ещё до образования КНР, а точнее, во второй половине 1940-х годов. Вклад советских учёных, военных и специалистов в становлении разрушенного двумя войнами страной огромен, и он подробно изучен многими российскими и китайскими исследователями (Зазерская Т., 2000, Верченко А., 2009, Ян Айхуа 2011, Чжан Байчунь 2011). Советские специалисты восстанавливали разрушенные заводы и фабрики, строили корабли и железные дороги обучали молодые кадры и налаживали работы во многих других областях Китая. Все расходы специалистов покрывались китайской стороной, их зарплата была на порядок выше китайских специалистов и в дополнение они получали хорошую дотацию в виде товаров и натуральных продуктов из советской казны. Также им разрешалось «брать с собой семьи, но только если дети были дошкольного возраста, дети старше семи лет за родителями следовать не могли» (Пу Ц., 2018:66). Все эти данные нашли подтверждения в интервью с мигрантами. Одна из респондентов была дочерью геолога Ясинжана Иминова, который был направлен в Урумчи в 1955-м году по контракту на 5 лет. «Мне было 5 лет, когда мы с семьёй переехали в Синьцзян, где для нас построили двухэтажный дом в саду Шен Шицай и китайцы относились к нам с большим уважением. Нам жилось там очень хорошо, мы были полностью на советском обеспечении, носили советские шубы и ели советские конфеты, но когда советско-китайские отношения испортились, нам сказали, что мы срочно должны вернуться в Союз» (Интервью 2018). Их возвращение на родину было связано с расколом и конфронтацией между СССР и КНР, в результате которых были отозваны все советские сотрудники, сокращены «поставки советской техники и оборудования китайской промышленности в 40 раз, а двусторонний товарооборот снизился в три раза, что привело к провалу политики «большого скачка» (Спицын Е., 2020:385).

Сложная и противоречивая политико-экономическая ситуация внутри Китая стала дополнительной причиной миграции. Вторая половина

1950-х годов была особо богата на различные правительственные эксперименты, среди них движения «за исправления стиля», «генеральная линия», «три красные знамени» «большой скачок», а также образование народных коммун в сельских районах. Все эти программы ставили перед страной нереальные задачи в виде досрочного выполнения десятилетнего плана развития в течение 3-5 лет с целью догнать развитые страны Запада. Эти реформы отбросили страну на несколько десятилетий назад и принесли людям много лишений и горя. Некоторые респонденты упоминали политические кампании, начавшиеся в 1956-м году, – «Ечилип сайраш», буквально: «раскрываться и говорить», в котором власти просили критиковать китайское правительство, политику, а потом власти проводили репрессию против тех, кто критиковал её. Также они отметили такие кампании, как «Учке карши» (борьба против трех: направленная против коррупции, бюрократии и расточительства), «Бешке карши» («против пяти»), направленная против предательства, взяточничества, неуплаты налогов, мошенничества и растраты среди владельцев собственности. За этими кампаниями стоял настоящий террор. По словам опрошенных, в ходе этих кампаний китайские власти истребили передовых людей и всю уйгурскую интеллигенцию. Респонденты также упоминали свою жизнь в коммуне, куда они были вынуждены ходить каждый день питаться, так как людям дома не разрешали готовить пищу, послушавшихся сразу сажали в тюрьму. Они говорили: «Мы весь скот, все зерно отдали коммуне и в результате у нас не осталось дома еды». Народные коммуны как часть «курса трёх красных знамён были образованы в 1958 году на основе объединения нескольких сельхозкооперативов и ликвидации частной собственности. Целью данной программы было в максимально короткие сроки создание нового совершенного, бесклассового, но подконтрольного социалистического общества, которое позволило бы стране войти в число самых передовых индустриально развитых держав мира. Однако, как сам Мао Цзэдун позже признался, «обобществление имущества обернулось тем, что сотни миллионов крестьян вместе со своими звеньями стали бойкотировать партийные комитеты и утаивать продукцию». Стало очевидно, что отсутствие материальной заинтересованности напрямую влияет на производительность труда. Последствия данной политики не застали себя долго ждать и уже в начале зимы в стране возник острый дефицит продоволь-

ствия, повлёкший за собой голод. К весне 1959 года сельское хозяйство региона обанкротилось и начался голод, продолжавшийся вплоть до 1962 года, который тоже стал одной из причин миграции в конце 50-х годов (Хужамбердиев, 2008). Анализ проведённых интервью показывает, что многие люди, переехавшие в Советский Союз в этот период, принадлежали определённой группе элиты, большинство из них были хорошо образованы и занимали различные должности на госслужбе в Илийском районе. Как уже упоминалось выше, они были вовлечены в политические мероприятия, а некоторые даже провели несколько лет в тюрьмах, и чтобы избежать новых арестов и смертного приговора, они мигрировали в СССР.

Заключение

Несмотря на то, что репатриационная политика СССР была нацелена на решение ряда политических задач, в целом, она была доволь-

но либеральной. В Китае советское гражданство почти предоставлялось всем желающим и руководство Советского Союза создавало все условия для выезда граждан из Китая в СССР. По прибытии мигрантам оказывали всестороннюю помощь, они пользовались теми же правами и льготами, что и советское местное население. Невзирая на активные действия китайских властей против советизации и репатриации, возвратные миграционные потоки этнических уйгур и других этнических меньшинств продолжались вплоть до 1970-х годов и были во многом ускорены внутренними процессами в Китае и внешнеполитическими событиями 1950-х гг.

Благодарность

Статья написана в рамках проекта КН МОН Республики Казахстан «Устная история миграции из Китая в Казахстан в 1950-1970-е годы» ИРН AP08856732.

Литература

- Верченко А. Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949 – 1960) // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №5. – С. 71–80.
- Воробьев В. Об урегулировании пограничных вопросов с КНР // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №3. – С. 104–113.
- Зазерская Т. 2000. Советские специалисты и формирование военно-промышленного комплекса Китая (1949 – 1960 гг.). – СПб.: НИИХ СПбГУ, 2000. – 210 с.
- Камалов А. Научный семинар. – Алматы, 2021. онлайн.
- Капица М. 1958. Советско-китайские отношения. – М.: Политическая литература, 1958. – 424 с.
- Кулик Б. Советско-Китайский раскол: причины и последствия. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – 639 с.
- Ли Даньхуэй. Некоторые вопросы китайско-советских отношений в 1960-е гг. // Проблемы Дальнего Востока. – 2005. – №1. – С. 104–119.
- Пу Ц. Вклад советских специалистов в восстановление и развитие КНР во второй половине 1940-х и в 1950-е годы: этапы и их основные характеристики // Genesis: исторические исследования. – 2018. – №6. – С. 66–72.
- Рябенко Н. Третья гражданская революционная война в Китае: путь КПК к победе // Россия и АТР. Владивосток. – 2009. – №3. – С. 18–28.
- Сунь Ф. Наш единственный путь // Китайская и советская культура. 1944. – №15. – С. 10–11.
- Спицын Е. Зигзаги хрущёвской внешней политики в 1953-1964 годах // Хрущёвская слякоть. Советская держава в 1953-1964 годах. – Книга для учителей, преподавателей и студентов. – М.: Концептуал, 2020. – С. 385–386.
- Шматов В.Г. Синьцзян в системе мероприятий Советского союза по оказанию экономической и военно-технической помощи Китаю в период японской агрессии 1931-1943 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Шматов Василий Геннадьевич. – 2016. – С. 22–23.
- Ян Айхуа. 2011. Техническое содействие Советского Союза в строительстве военно-воздушных сил КНР в 1950-х годах // Социология науки и технологий. – Т. 2. – №4. – С. 28–36.
- Becquelin N. Xinjiang in the Nineties. // The China Journal. – 2000. – No44. – P. 65–90.
- Becquelin N. Staged Development in Xinjiang. // The China Quarterly. – 2004. – No178. – P. 358–378.
- Bovingdon G. The Not-So-Silent Majority: Uyghur Resistance to Han Rule in Xinjiang. // Modern China. – 2002. – No1. – P. 39–78.
- Bovingdon G. Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent. // Policy Studies. Washington, DC: East-West Center Washington. – 2004. – No11. – P. 5–77.
- Clabb O. China and Russia. The Great Game. NY: Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. – 1971. 585p.
- Clark W. and Kamalov A. Uighur migration across Central Asian frontiers. // Central Asian Survey. – 2004. – No23(2). – P. 167-182.

- Devlet N. The era of the Soviet Union // *History of Russia* / Ed. N. State, N. Sariahmetoglu. – Eskisehir: Anatolian University. – 2013. – 204 p.
- Egemberdi A. *Hayat Menziliri*. Istanbul. – 2019. – 200 p.
- Engel B., Martin J. *Russia in World History*. Gen. ed. B. G. Smith, A. A. Yang. Oxford University Press, 2015. – 110 p.
- Gladney D. *Ethnic Identity in China. The Making of a Muslim Minority Nationality* (Harcourt Brace, 1998). – P. 168
- Hu Tsui-yen. *Uighur Movement within Xinjiang and Its Ethnic Identity and Cultural Implications*. Robyn Iredale, Bilik Naran, and Fei Guo, eds., *China's Minorities on the Move: Selected Case Studies*. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2003. – P. 123–140.
- Liang, Zai and Michael J. White. *Internal Migration in China, 1950–1988*. // *Demography*. – 1996. – V. 33. – No3. – P. 375–384.
- Mackerras C. 2001. *Xinjiang at the Turn of the Century: The Causes of Separatism*. // *Central Asian Survey*. – 2001. – V. 20. – No3. – P. 289–303.
- Maksudov E. *Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note*. // *Europe-Asia Studies*. – 1994. – V. 46. –No. 4. – P. 671–680.
- Millward J. 2004. *Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment*. // *Policy Studies*. – 2004. – No6. – P. 5 – 72.
- Roberts S. *The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation*. // *Nationalities Papers*. – 1998. – V.26. – No3. – P. 511–530.
- Pannell, Clifton W. *China Gazes West: Xinjiang's Growing Rendezvous with Central Asia*. // *Eurasian Geography and Economics*. – 2011. – V.52. – No1. – P. 105–118.
- Toops S. *The Demography of Xinjiang*. S. Frederick Starr, ed., *Xinjiang: China's Muslim Borderland*. Armonk, NY: M. E. Sharpe. – 2004. 263p.
- Zang Xiaowei. *Labor Market Segmentation and Income Inequality in Urban China*. // *The Sociological Quarterly*. – 2002. – V.43. – No1. – P. 27–44.
- West H. *Tsars, Mandarins, and Commissars. A History of Chinese-Russian relations*. Philadelphia and N.Y. – 1964. – V.26. – 300p.

References

- Becquelin N. (2000) *Xinjiang in the Nineties*. *The China Journal*, no44, pp. 65–90.
- Becquelin N. (2004) *Staged Development in Xinjiang*. *The China Quarterly*, no 178, pp. 358–378.
- Bovingdon G. (2002) *The Not-So-Silent Majority: Uyghur Resistance to Han Rule in Xinjiang*, *Modern China*. no 1, pp. 39–78.
- Bovingdon G. (2004) *Autonomy in Xinjiang: Han Nationalist Imperatives and Uyghur Discontent*, *Policy Studies*. Washington, DC: East-West Center Washington. no 11. pp. 5–77.
- Clabb O. (1971) *China and Russia. The Great Game*. NY: Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. 585 pp.
- Clark W. & Kamalov A. (2004) *Uighur migration across Central Asian frontiers*. *Central Asian Survey*. no 23(2) pp. 167–182.
- Devlet N. (2013) *The era of the Soviet Union*. *History of Russia*. Ed. N. State, N. Sariahmetoglu. – Eskisehir: Anatolian University. 204 pp.
- Egemberdi A. (2019) *Hayat Menziliri*. Istanbul. 200 pp.
- Engel B., Martin J. (2015) *Russia in World History*. Gen. ed. B. G. Smith, A. A. Yang. Oxford University Press. 110 pp.
- Gladney D. (1998) *Ethnic Identity in China. The Making of a Muslim Minority Nationality* (Harcourt Brace) pp.168.
- Hu Tsui-yen. (2003) *Uighur Movement within Xinjiang and Its Ethnic Identity and Cultural Implications*. Robyn Iredale, Bilik Naran, and Fei Guo, eds., *China's Minorities on the Move: Selected Case Studies*. Armonk, NY: M. E. Sharpe. pp.123–140.
- Kamalov A. (2021). *Nauchnyj seminar [Scientific seminar]*. Almaty, online.
- Kapica M. (1958). *Sovetsko-Kitajskie otnoshenja [Soviet-Chinese relations]*. Moskva *Politicheskaja literature*, 424 c.
- Kulik B. (2000). *Sovietskij- Kitajskij raskol: prichiny posledsviya. [Soviet-Chinese split: causes and consequences]*. Moskva: Institut dal'nego Vostoka Rossijskoi Akademii Nauk, 639p.
- Liang Z.& Michael J. (1996) White. *Internal Migration in China, 1950–1988*. *Demography*. vol. 33, no3, pp. 375– 384.
- Li Danhui. (2005). *Nekotorye voprosy Kitajsko-Sovetskikh otnoshenij v 1960g [Some issues of Sino-Soviet relations in the 1960s]*. *Probleme Dal'nego Vostoka*, no1, pp. 104–119.
- Mackerras C. (2001). *Xinjiang at the Turn of the Century: The Causes of Separatism*. *Central Asian Survey*. vol. 20, no 3, pp. 289–303.
- Maksudov E. (1994) *Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note*. *Europe-Asia Studies*. – 1994. vol. 46, no. 4, pp. 671–680.
- Millward J. (2004) *Violent Separatism in Xinjiang: A Critical Assessment*. *Policy Studies*. no. 6, pp. 5 – 72.
- Pannell C. (2011) *China Gazes West: Xinjiang's Growing Rendezvous with Central Asia*. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 52, no 1, pp. 105–118.
- Pu C. (2018). *Vklad Sovietskikh specialistov v vosanovlenie i razvii KNR vo vtoroj polovine 1940h v 1950h godah: stadii i ih karakteristika [The contribution of Soviet specialists to the restoration and development of the PRC in the second half of the 1940s and in the 1950s: stages and their main characteristics]*. *Genesis: Istoricheskaja nauka*, no6, pp. 66–72.
- Ryabchenko N. (2009). *Tretija Grazhdanskaja Revoljucionnaja Voina v Kitae: put' KPK k pobede [Third Civil Revolutionary War in China: the CPC's path to victory]*. *Rosija i ATR*. Vladivostok, no3, pp. 18–28.
- Roberts S. (1998) *The Uighurs of the Kazakstan borderlands: Migration and the Nation*. *Nationalities Papers*. vol.26, no 3, pp. 511–530.

Sun F. (1944). Nash edinstvennyj put' [Our only way]. *Kitaiskaja Sovetskaja kultura*, no15, pp. 10-11.

Spitcyn E. (2020). Zigzagi vneshnej politiki Hrusheva in 1953-1964 godah [Zigzags of Khrushchev's foreign policy in 1953-1964]. *Hhrushchskaja sljako't. Sovetskaja vlast v 1953-1964*. – Kniga dlja uchitelej i studentov. Moskva: Konceptual, pp. 385-386.

Shmatov V. G. (2016). Sinzjan v sisteme meroprijatij Sovetskogo Sojuza po okazaniju jekonomichskoj voennotekhnicheskoi pomoschi Kitaju v period japonskoj agresii 1931-1943 gg. [Xinjiang in the system of measures of the Soviet Union to provide economic and military technical assistance to China during the Japanese aggression of 1931-1943]. Avorefera dissertacii na soiskanii uchenoj stepeni kandidata istoricheskix nauk: 07.00.02. Shmatov Vasilij Gennadievich, pp. 22-23.

Toops S. (2004) The Demography of Xinjiang. S. Frederick Starr, ed., *Xinjiang: China's Muslim Borderland*. Armonk, NY: M. E. Sharpe. 263pp.

Verchenko A. (2009). Sovetskie specialisty v jekonomicheskom, nauchno-tehnicheskom i gumanitarnom sroitel'stve KNR [Soviet specialists in economic, scientific, technical and humanitarian construction of the People's Republic of China (1949-1960)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no5, pp. 71-80.

Vorobyov V. (2012). Ob uregulirovanie pograničnyh voprosov s KNR [On the settlement of border issues with the PRC]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no3, pp. 104-113.

West H. (1964) *Tsars, Mandarins, and Commissars. A History of Chinese-Russian relations*. Philadelphia and N.Y. vol. 26, 300pp.

Yang Aihua. (2011). Tehnicheskaja pomosch' Sovetskogo Sojuza v sroitel'stve Vozdushnoj Sily KNR v 1950h godah. [Technical assistance of the Soviet Union in the construction of the PRC Air Force in the 1950s]. *Sociologija Naki i Technologii*, v. 2, no4, pp. 28-36.

Zang Xiaowei. (2002) Labor Market Segmentation and Income Inequality in Urban China. *The Sociological Quarterly*. vol. 43, no 1, pp. 27–44.

Zazerskaja T. (2000). Sovetskie specialist formirovanie voenno-promyshlennogo kompleksa Kitaja [Soviet specialists and the formation of the military-industrial complex of China (1949-1960)]. Sankt Petersburg: NIIH SPbU, 210 p.

Интервью

1. Interview, 2016, Bishkek
2. Interview 2018, Tashkent
3. Interview 2018, Tashkent